

Научная статья
УДК 332.14:314
doi:10.46554/1993-0453-2023-1-219-46-56

Неурбанизированные территории как элемент экономического пространства: тенденции и прогноз демографического развития

Светлана Сергеевна Патракова

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, sspatrakova@bk.ru

Аннотация. Одной из стратегических задач для Российской Федерации является обеспечение пространственного развития. Решение этой задачи зависит от эффективной реализации существующего потенциала, решения проблем и устранения барьеров развития не только крупных и крупнейших городских агломераций, городов, но и неурбанизированных территорий. Цель статьи – исследование тенденций и составление прогноза демографического развития неурбанизированных (сельских) территорий Европейского Севера России (ЕСР). Объект исследования – неурбанизированные (сельские) территории ЕСР. В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнения, экономико-статистического анализа, прогнозирования численности населения методом передвижки по возрастам. В ходе исследования выявлено, что для сельских территорий Европейского Севера в постсоветский период (1990–2021 гг.) были характерны тенденции депопуляции и миграционного оттока населения (прежде всего трудоспособного возраста). Установлено, что на период 2022–2041 гг. ожидается сохранение тенденции депопуляции сельского населения: снижение численности прогнозируется в пределах 16,3–44,6% в зависимости от субъекта ЕСР. Определено, что негативные тенденции демографического развития сельских территорий, особенно геостратегических северных регионов, являются угрозой сбалансированному пространственному и устойчивому социально-экономическому развитию России и ее Севера. Предложены меры снижения остроты проблем депопуляции и миграционного оттока.

Ключевые слова: экономическое пространство, регион, Европейский Север России, неурбанизированные (сельские) территории, численность населения, прогноз, депопуляция, миграционный отток

Основные положения:

- ◆ неурбанизированные (сельские) территории обеспечивают сбалансированность развития экономического пространства, его освоенность, связность;
- ◆ для неурбанизированных (сельских) территорий Европейского Севера России в 1990–2021 гг. были характерны тенденции депопуляции, на период 2022–2041 гг. прогнозируется их сохранение;
- ◆ негативные тенденции развития неурбанизированных (сельских) территорий, особенно геостратегических северных регионов, являются угрозой удержанию экономического пространства России.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90035 «Механизмы повышения роли сельских территорий в обеспечении сбалансированного пространственного развития северного региона».

Для цитирования: Патракова С.С. Неурбанизированные территории как элемент экономического пространства: тенденции и прогноз демографического развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 1 (219). С. 46–56. doi:10.46554/1993-0453-2023-1-219-46-56.

Original article

Non-urbanized territories as an element of economic space: trends and forecast of demographic development

Svetlana S. Pastrakova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
sspastakova@bk.ru

Abstract. Ensuring spatial development is one of the strategic tasks for Russia. The solution of this task depends on the effective realization of existing potential, solving problems and removing barriers to the development of not only large and largest urban agglomerations, cities, but also non-urbanized territories. The purpose of the article is to study trends and make a forecast of demographic development of non-urbanized (rural) territories of the European North of Russia. The research object is the non-urbanized (rural) territories of the European North of Russia. In the paper, methods of analysis, synthesis, comparison, economic and statistical analysis are used, population forecasting was conducted using the method of age distribution. It was revealed that the rural areas of the European North in 1990-2021 were characterized by trends of depopulation and migration outflow of the population (primarily of working age). It is established that for the period 2022-2041, a decrease in the rural population of the subjects of the European North is projected in the range from 16.3% to 44.6%. It is determined that negative trends in the demographic development of the non-urbanized (rural) areas, especially geostrategic northern regions, are a threat to the balanced spatial and sustainable socio-economic development of Russia. Measures to reduce the severity of depopulation and migration outflow problems are proposed.

Keywords: economic space, region, European North of Russia, non-urbanized (rural) territories, population, forecast, depopulation, migration outflow

Highlights:

- ◆ non-urbanized territories ensure a balanced development of the economic space, its connectivity;
- ◆ rural areas of the European North of Russia were characterized by depopulation trends in 1990-2021, for the period 2022-2041 the continuation of these trends is predicted;
- ◆ negative trends in the development of the non-urbanized areas, especially geostrategic northern regions, are a threat to the retention of Russia's economic space.

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-310-90035 "Mechanisms for increasing the role of rural areas in ensuring the balanced spatial development of the northern region".

For citation: Pastrakova S.S. Non-urbanized territories as an element of economic space: trends and forecast of demographic development // Vestnik of Samara State University of Economics. 2023. No. 1 (219). Pp. 46–56. (In Russ.). doi:10.46554/1993-0453-2023-1-219-46-56.

Введение

Одной из стратегически важных задач для современной России является обеспечение ее пространственного развития, что отмечается как научным сообществом (П.А. Минакиром [1], В.А. Крюковым и В.Е. Селиверстовым [2], Н.В. Зубаревич [3] и др.), так и органами государственной власти страны (13 февраля 2019 г. распоряжением Правительства РФ № 207-р была утверждена Стратегия про-

странственного развития Российской Федерации на период до 2025 года; далее – Стратегия). При этом в условиях турбулентности мировой экономики и усиления геополитической нестабильности возрастает актуальность поиска и эффективного использования внутренних источников, эндогенных факторов развития пространства России и ее регионов.

До 2022 г. согласно Стратегии обеспечить пространственное развитие предполагалось

главным образом за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста РФ – крупных и крупнейших городских агломераций; на роли сельских территорий в решении этой задачи внимание не акцентировалось. Однако в 2022 г. с принятием новой редакции Стратегии пространственного развития (в ред. распоряжения Правительства РФ от 25.06.2022 № 1704-р) ситуация изменилась: в число основных направлений пространственного развития было включено обеспечение «сбалансированного пространственного развития за счет обеспечения социально-экономического развития городских агломераций, малых и средних городов, а также сельских территорий с целью снижения концентрации субъектов экономической деятельности и населения в столичных агломерациях». Таким образом, была четко определена роль неурбанизированных¹ (сельских) территорий как неотъемлемого элемента экономического пространства, обеспечивающего сбалансированность его развития.

Однако сельские территории в экономическом пространстве выполняют целый ряд важных функций: не только обеспечения сбалансированности, но и сохранения управляемости и связанности территории, производственную, социально-демографическую, пространственно-коммуникационную, культурную и этническую функции. При этом сельские территории Севера России выполняют отмеченные функции в сравнительно более сложных природно-климатических, социально-экономических условиях, чем территории южных и центральных регионов, и в связи с этим требуют более пристального внимания со стороны научного сообщества и органов власти.

¹ Термин «неурбанизированные территории» был введен Организацией экономического сотрудничества и развития в 2000-е гг. для обозначения «территорий, охватывающих население, землю и другие ресурсы открытого ландшафта и мелких поселений за пределами непосредственных экономических областей влияния крупных городских центров». К настоящему времени в российском научном сообществе сформировались две противоположные точки зрения по вопросу соотношения таких понятий, как «неурбанизированные» и «сельские» территории. Ряд исследователей (например,

Вышеобозначенное обуславливает актуальность, научную и практическую значимость исследования тенденций, выявления проблем и перспектив развития сельских территорий в пространстве России, особенно ее северных регионов.

Цель настоящей статьи – исследование тенденций и составление прогноза демографического развития неурбанизированных (сельских) территорий, являющихся неотъемлемыми элементами экономического пространства, на примере Европейского Севера России.

Методы

В ходе исследования были использованы общенаучные методы (анализа и синтеза, сравнения и др.), а также специальные методы экономических и социальных наук (экономико-статистического анализа, прогнозирования численности населения методом передвижки по возрастам).

Метод передвижки по возрастам является одним из методов демографического прогнозирования, специфика которого заключается в возможности получения прогнозных данных не только по общей численности населения, но и в разрезе его половозрастного состава. В рамках настоящего исследования при построении прогноза были приняты следующие допущения (условия):

♦ учтены только ключевые показатели, характеризующие демографическую ситуацию, – показатели рождаемости, смертности и миграции населения (причины смертности, репродуктивные намерения населения и другие факторы по причине неполноты имеющихся исходных данных не рассматривались);

Р.Н. Шевелева [4]) полагает, что эти понятия не являются идентичными. Другие исследователи (например, М.А. Николаев и М.Ю. Махотаева [5]), наоборот, рассматривают эти понятия как синонимичные. В данной работе мы придерживаемся второй точки зрения, согласно которой «неурбанизированные» и «сельские» территории признаются синонимичными понятиями, к числу общих признаков которых относятся: низкая плотность населения и производств, профессиональная и социальная однородность населения и т.п. (отмечено в работе [5]).

◆ принято допущение о сохранении на прогнозируемый период режима воспроизводства населения, т.е. о постоянстве половозрастных коэффициентов смертности и миграции, возрастных коэффициентов рождаемости, структуры родившихся детей по полу;

◆ ввиду ограниченности статистических данных прогнозирование отдельно по Ненецкому автономному округу не осуществлялось (округ рассматривался в составе Архангельской области).

Результаты

Европейский Север России, в состав которого входят республики Коми и Карелия, Архангельская, Вологодская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ (НАО), является самым большим по площади регионом европейской части страны, занимая 9% от площади страны и 37% площади ее европейской части (порядка 1,5 млн км²).

В постсоветский период сельские территории субъектов ЕСР столкнулись с целым рядом проблем и вызовов: разрушение сельской экономики, локационное сжатие сельского хозяйства, низкое качество и уровень обеспеченности объектами инфраструктуры (инженерной, социальной и др.), низкий уровень жизни насе-

ления и т.д., о чем свидетельствуют результаты исследований [6; 7]. Однако наиболее болезненной, на наш взгляд, стала демографическая проблема, поскольку именно население (человеческие ресурсы) обеспечивает сохранение, развитие и функционирование сельских территорий.

За 1990–2021 гг. численность сельского населения субъектов ЕСР снизилась на 37,1% (на 528,8 тыс. чел.: с 1424,2 до 895,4 тыс. чел.), а ее доля в общей численности постоянного населения на 2,8 п.п. (с 23,1% до 20,3%). Отметим, что темпы депопуляции сельского населения в субъектах ЕСР сильно разнятся: если в Карелии за 1990–2021 гг. численность сократилась на 22%, то в более северных субъектах, например в Мурманской области, – на 43%, в Архангельской области – на 42,3% (рис. 1).

Снижение численности сельского населения обусловлено как естественными, так и миграционными причинами, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Так, по данным Росстата, в 2021 г. во всех субъектах ЕСР наблюдалась естественная убыль населения в пределах от 42 (Мурманская область) до 3748 чел. (Вологодская область). Для сравнения отметим, что в 1990 г. во всех субъек-

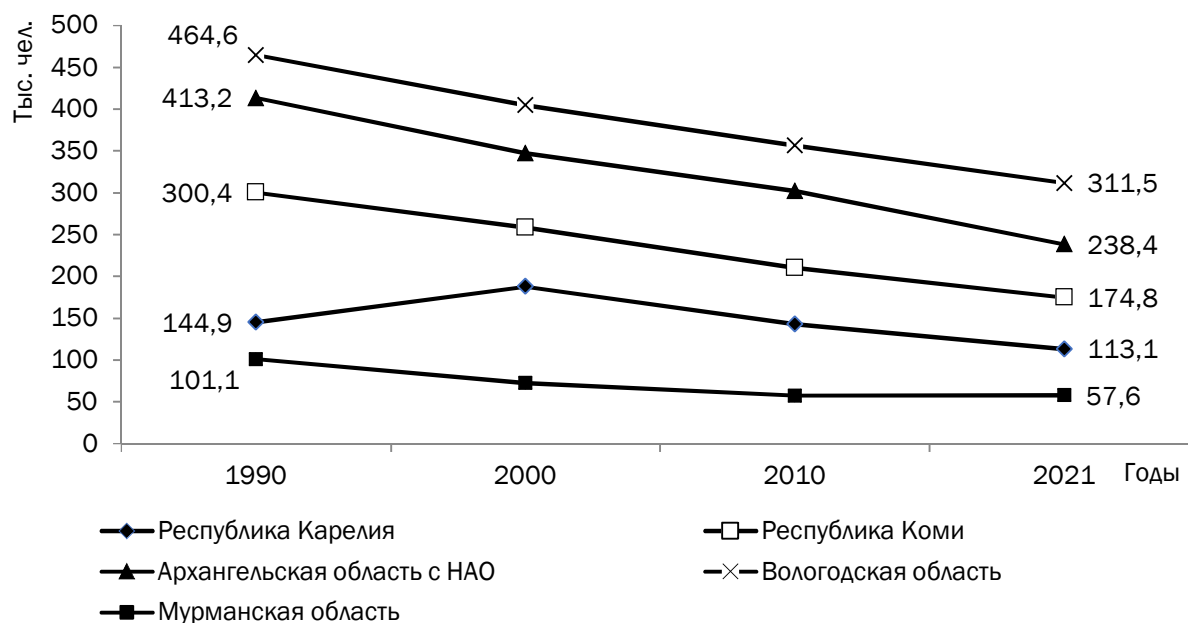

Рис. 1. Численность постоянного сельского населения субъектов ЕСР в среднем за год*

* Составлено по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2022).

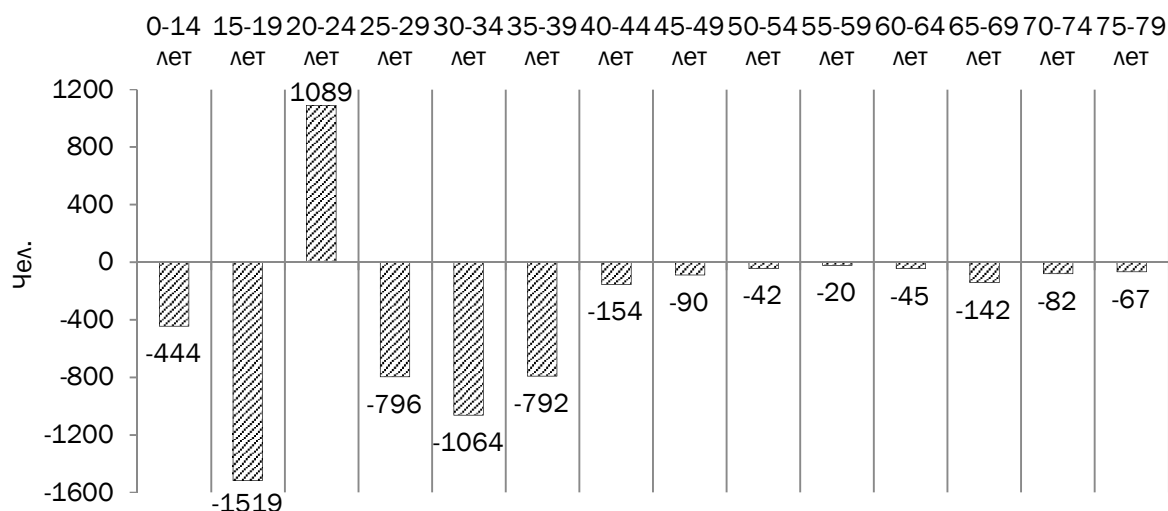

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) сельского населения субъектов ЕСР по возрасту в 2021 г.*

* Составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58615> (дата обращения: 01.10.2022).

ектах, за исключением Вологодской области, наблюдался естественный прирост в пределах от 63 (Карелия) до 1464 чел. (Коми).

Миграционная убыль населения в 2021 г. в субъектах ЕСР варьировались в пределах от 94 (Вологодская область) до 2893 чел. (Архангельская область, включая НАО). При этом необходимо отметить, что покидает северное село в основном молодое, трудоспособное население. Так, в 2021 г. максимальный уровень миграционной убыли сельского населения в целом по Европейскому Северу наблюдался для населения возраста 15–19 лет, 30–34 лет, 25–29 лет (рис. 2). В разрезе субъектов ЕСР: в Коми, Архангельской и Мурманской областях максимальные значения миграционной убыли были характерны для населения возраста 15–19 лет (348, 1051, 73 чел. соответственно), в Карелии и Вологодской области – 30–34 лет (155, 160 чел. соответственно).

Сохранение этой проблемы в долгосрочной перспективе ставит под угрозу демографическую и экономическую безопасность России на Севере, ограничивает перспективы сохранения и удержания пространства северных ре-

гионов, обеспечения сбалансированности его развития.

Ключевой причиной фиксируемого в настоящее время оттока населения с Севера (особенно с сельских территорий), как свидетельствуют результаты исследований ученых [8–10], является ухудшение условий и сокращение стимулов для работы и жизни. Если в советский период неблагоприятные условия проживания и работы на Севере компенсировались различными материальными и моральными стимулами (так называемые «северные льготы»¹, Всесоюзные комсомольские стройки и т.д.), обеспечивались административными мерами (распределение выпускников образовательных учреждений и др.), а освоение Севера имело хозяйственный характер (целью была не только эксплуатация ресурсов, но и заселение территорий), то с переходом к рыночным условиям ситуация кардинально изменилась.

Так, роль многих компенсаторных механизмов для привлечения и удержания населения на Севере, даже материального стимулирования, снизилась. В частности, если в 1995 г. в Коми, Карелии, Вологодской области

¹ В годы СССР были созданы уникальные социальные технологии, позволявшие привлечь специалистов на Север и удержать их там. Была разработана целая система льгот, включающая бронирование

квартир, целевые вклады, оплату проезда, северный завоз и т.д., однако важнейшими материальными стимулами стали районный коэффициент и северная надбавка к зарплате [11].

отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму находилось на уровне выше среднероссийского (2,46, 1,45 и 1,8 раза соответственно против 1,44 в среднем по России), то сейчас такого соотношения нет ни в одном субъекте ЕСР (в 2020 г. в среднем по РФ отношение средней заработной платы к величине прожиточного минимума составило 4,53 раза, а в Коми – 3,92, Вологодской области – 3,74 и т.д. [12–14]).

Политика освоения Севера в постсоветский период поменяла характер с хозяйственной на коммерческую, в соответствии с которой освоение происходило в целях добычи ресурсов для последующей продажи (реже переработки) и не предполагало обустройства пространства. Как отмечает А.Н. Пилясов, «сам архитектор реформы – Е. Гайдар – говорил о перенаселенности Севера... призывал народ массово уезжать с Севера» [15].

Существенное влияние на миграционные потери Севера в постсоветский период оказала и региональная специфика его хозяйства: истощение сырьевой базы ряда месторождений привело к сокращению (в ряде случаев, как, например, в Коми, и вовсе остановке) работы горнодобывающих и перерабатывающих предприятий, большинство из которых являлись градообразующими для малых и средних городов, сельских поселений. В результате, потеряв высокооплачиваемую работу, люди массово переселялись в другие регионы России.

Таким образом, постсоветский период развития сельских территорий Европейского Севера России характеризовался значительными масштабами депопуляции и миграционного оттока, особенно молодого, трудоспособного населения. В соответствии с этим закономерно возникает вопрос о дальнейших перспективах их демографического развития.

На основе использования метода передвижки по возрастам нами были составлены долгосрочные прогнозы численности постоянного сельского населения субъектов ЕСР на период 2022–2041 гг. Результаты расчетов свидетельствуют, что численность населения будет

неминуемо сокращаться, однако темпы сокращения в субъектах ЕСР будут различны:

1) в Карелии прогнозируется снижение численности сельского населения на 32,5% (на 37 262 чел.: с 114 526 до 77 264 чел.), в том числе в трудоспособном возрасте¹ на 35,6% (на 19 827 чел.: с 55 758 до 35 931 чел.), в возрасте моложе трудоспособного на 22,7% (на 4304 чел.: с 18 986 до 14 682 чел.) и старше трудоспособного на 33,0% (на 13 131 чел.: с 39 782 до 26 651 чел.; рис. 3). Сокращение общей численности населения будет обусловлено в основном сокращением численности трудоспособных граждан, удельный вес которой снизится с 48,7% до 46,5%;

2) в Коми прогнозируется снижение численности сельского населения на 19,5% (на 34 420 чел.: с 176 518 до 142 098 чел.), в том числе в трудоспособном возрасте на 26,6% (на 23 815 чел.: с 89 513 до 65 698 чел.), в возрасте моложе трудоспособного на 13,0% (на 4941 чел.: с 38 100 до 33 159 чел.) и старше трудоспособного на 11,6% (на 5664 чел.: с 48 905 до 43 241 чел.; рис. 4). Сокращение общей численности населения будет обусловлено в основном сокращением численности трудоспособных граждан, удельный вес которой снизится с 50,7% до 46,2%;

3) в Архангельской области (включая Ненецкий автономный округ) прогнозируется снижение численности сельского населения на 44,6% (на 106 160 чел.: с 238 155 до 131 995 чел.), в том числе в трудоспособном возрасте на 57,1% (на 63 804 чел.: с 111 823 до 48 019 чел.), в возрасте моложе трудоспособного на 56,1% (на 25 191 чел.: с 44 922 до 19 731 чел.) и старше трудоспособного на 21,1% (на 17 165 чел.: с 81 410 до 64 245 чел.; рис. 5). Сокращение общей численности населения будет обусловлено в основном сокращением численности трудоспособных граждан и граждан в возрасте 0–15 лет, удельный вес которой снизится с 47,0% до 36,4% и с 18,9% до 14,9% соответственно;

4) в Вологодской области прогнозируется снижение численности сельского населения

¹ К категории «моложе трудоспособного возраста» отнесены мужчины и женщины возраста 0–15 лет, «трудоспособного возраста» – мужчины возраста

16–60 и женщины возраста 16–55 лет, «старше трудоспособного возраста» – мужчины возраста старше 61 года, женщины возраста старше 56 лет.

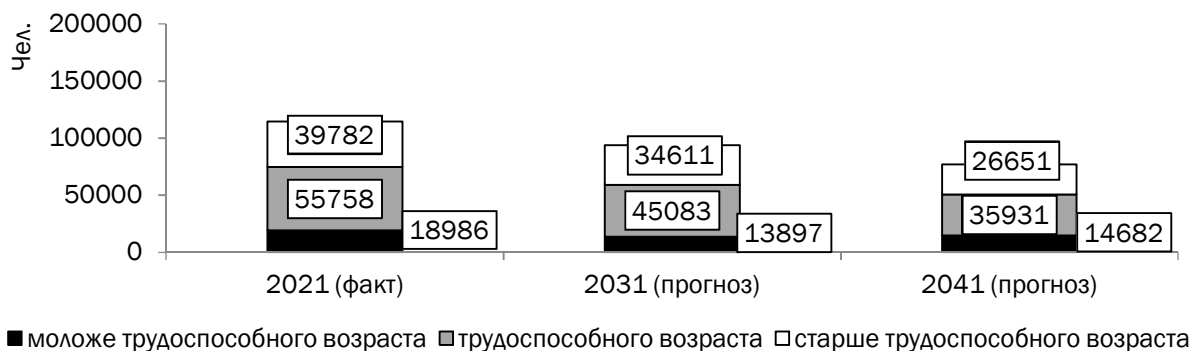

Рис. 3. Прогноз численности сельского населения Республики Карелия*

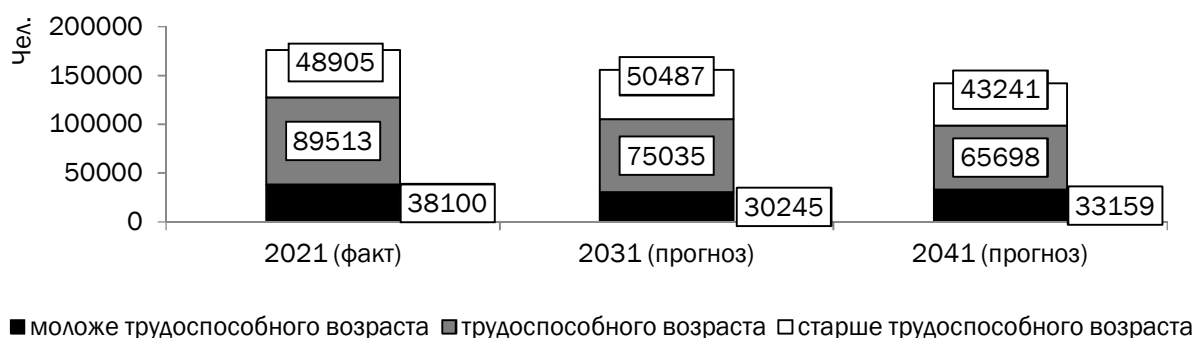

Рис. 4. Прогноз численности сельского населения Республики Коми*

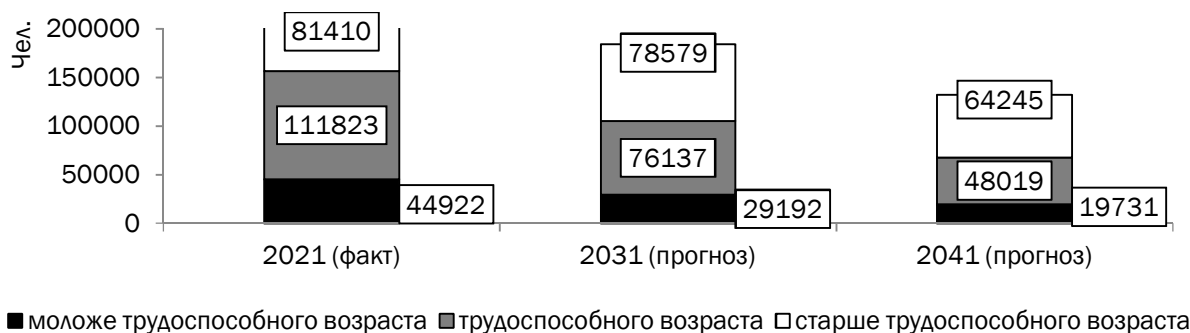

Рис. 5. Прогноз численности сельского населения Архангельской области (включая Ненецкий автономный округ)*

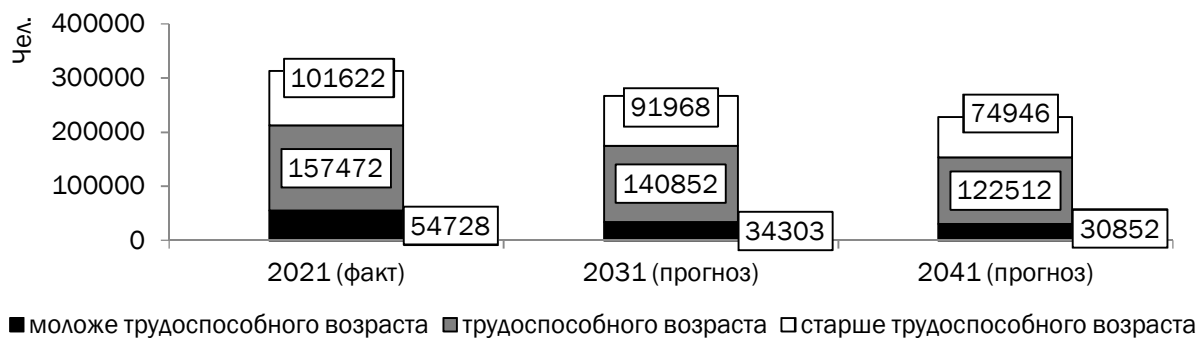

Рис. 6. Прогноз численности сельского населения Вологодской области*

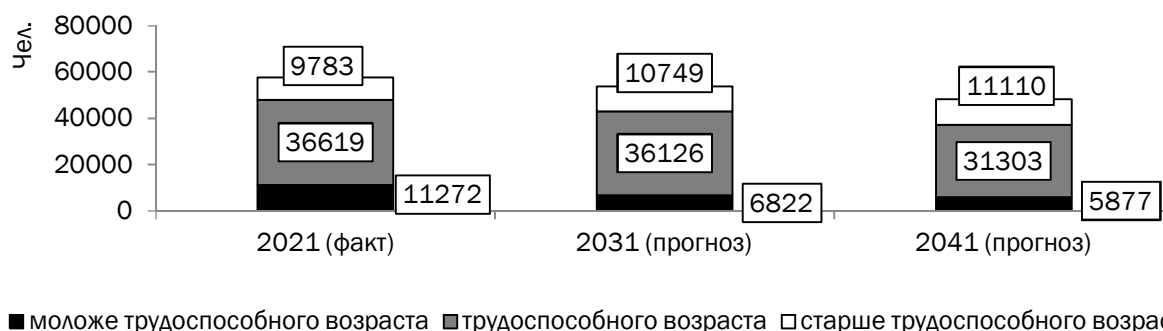

Рис. 7. Прогноз численности сельского населения Мурманской области*

на 27,2% (на 85 507 чел.: с 313 822 до 228 315 чел.), в том числе в трудоспособном возрасте на 22,2% (на 34 960 чел.: с 157 472 до 122 512 чел.), в возрасте моложе трудоспособного на 43,6% (на 23 876 чел.: с 54 728 до 30 852 чел.) и старше трудоспособного на 26,3% (на 26 676 чел.: с 101 622 до 74 946 чел.; рис. 6). Сокращение общей численности населения будет обусловлено в основном сокращением численности граждан возраста до 15 лет, удельный вес которой снизится с 17,4% до 13,5%;

5) в Мурманской области прогнозируется снижение численности сельского населения на 16,3% (на 9383 чел.: с 57 674 до 48 291 чел.), в том числе в трудоспособном возрасте на 14,5% (на 5316 чел.: с 36 619 до 31 303 чел.) и в возрасте моложе трудоспособного на 47,9% (на 5395 чел.: с 11 272 до 5877 чел.; рис. 7), но в то же время ожидается рост численности населения в возрасте старше трудоспособного на 13,6% (на 1327 чел.: с 9783 до 11 110 чел.). Сокращение общей численности населения будет обусловлено в основном сокращением численности граждан в возрасте 0–15 лет, удельный вес которой снизится с 19,5% до 12,2%.

Обсуждение

Процессы депопуляции и миграционного оттока сельского населения старого Русского Севера, как отмечает В.И. Ильин, «одни описывают как катастрофу, другие – как “управляемое или планируемое сжатие”» [10]. С нашей точки зрения, эти процессы являются угрозой сбалансированному пространственному и устойчивому социально-экономическому развитию Севера России и в связи с этим требуют

реализации мер по снижению остроты (возможно, в долгосрочной перспективе даже устранению).

Полагаем, что снижению темпов миграционного оттока и, соответственно, масштабов депопуляции северного села будет способствовать активная реализация мер, направленных на создание благоприятных условий для жизни и работы. Однако, если для повышения уровня, качества жизни населения уже создано множество инструментов и механизмов (в рамках госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий», национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Жилье и городская среда» и др.), то в создании условий для реализации трудового потенциала селян остаются нерешенные проблемы. В их числе низкий уровень диверсификации экономики, слабая привлекательность, особенно для молодежи, работы в традиционных отраслях сельского и лесного хозяйства и т.д. На наш взгляд, решению / снижению остроты обозначенных проблем будет способствовать реализация следующих мер:

1) на федеральном уровне: разработка подпрограммы развития сельской экономики в рамках госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий», направленной на всестороннюю диверсификацию сельской экономики, поддержку фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, развитие инфраструктуры, позволяющей получать населению достойный доход, и реализацию прочих мероприятий, закрепленных в Стратегии устойчивого развития сельских территорий России на период до 2030 г., но практически проигнорированных в госпрограмме;

Варианты рекомбинации отраслей традиционной сельской экономики на базе «новой» экономики*

Традиционные отрасли сельской экономики	Отрасли и технологии «новой» экономики	Варианты сопряжения
Сельское хозяйство	- биотехнологии; - органическая химия; - фотоника и др.	Органическое сельское хозяйство, в рамках которого происходит сознательная минимизация использования синтетических удобрений, пестицидов, регуляторов роста растений и пр. Круговое, «циркулярное» сельское хозяйство, минимизирующее потребление ограниченных ресурсов, выбросов в окружающую среду, стимулирующее повторное использование ресурсов и т.п.
	- электронная промышленность; - интернет вещей; - технологии блокчейн и др.	«Интеллектуальное», цифровое, точное сельское хозяйство, основанное на применении автоматизированных систем принятия решений, комплексной автоматизации, роботизации производства, технологиях моделирования и проектирования экосистем

2) на региональном уровнях: реализация мер, направленных на рекомбинацию (изменение технологического облика) традиционно сельских видов деятельности на основе отраслей «новой» экономики. Возможные варианты сопряжения отрасли сельского хозяйства и ряда отраслей и технологий «новой» экономики представлены в таблице;

3) на местном уровне: реализация мер, направленных на использование уникальных ресурсов и активов локальных территорий (минерально-сырьевых, водных и других ресурсов, специфических промыслов и уникальных природных явлений Севера, историко-культурного наследия).

Заключение

В ходе исследования тенденций и прогнозирования демографического развития неурбанизированных (сельских) территорий Европейского Севера России были получены следующие результаты.

1. С опорой на данные официальной статистики и работы ведущих отечественных ученых по тематике исследования определено, что для сельских территорий ЕСР в постсоветский период характерны тенденции депопуляции и миграционного оттока населения (прежде всего

трудоспособного). С опорой на результаты прогнозирования выявлено, что на период 2022–2041 гг. следует ожидать сохранения тенденций депопуляции сельского населения в субъектах ЕСР: снижение численности в зависимости от субъекта будет варьироваться в пределах 16,3–44,6%. Учитывая геостратегическое значение региона, обусловленное его экономико-географическим положением и богатыми запасами природных ресурсов, сохранение этих проблем является угрозой его сбалансированному пространственному и устойчивому социально-экономическому развитию.

2. Определено, что сохранению сельского населения Севера будет способствовать реализация мер по повышению качества жизни, а также развитию экономики на основе рекомбинации традиционно сельских видов деятельности на базе «новой» экономики, реализации мер по повышению эффективности использования уникальных ресурсов и активов места.

Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления субъектов Европейского Севера России при совершенствовании политики в области развития сельских территорий, а также научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики.

Список источников

1. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. № 4. С. 967–980.

2. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22–40. doi:10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.

3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. doi:0042-8736-2019-1-135-145.

4. Шевелева Р.Н. Понятие и признаки неурбанизированных территорий // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 696–698.

5. Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Факторы устойчивого развития неурбанизированных территорий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. № 6. С. 53–66. doi:10.18721/JE.14604.

6. Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 91–109. doi:10.15838/esc.2021.1.73.7.

7. Иванов В.А. Сельская экономика северного региона: специфика, направления и механизмы развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 2. С. 46–55. doi:10.37614/2220-802X.2.2021.72.004.

8. Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 1. С. 129–144.

9. Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. Москва : ИСПИ РАН, 2000. 38 с.

10. Ильин В.И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 3. С. 6–27.

11. Северные надбавки: история и современность // Arctic Russia : инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://arctic-russia.ru/article/severnye-nadbavki-istoriya-i-sovremennost/> (дата обращения: 01.10.2022).

12. Статистический ежегодник Республики Коми, 2009 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2009. 450 с.

13. Республика Карелия. Сто лет в цифрах, 1920–2020 годы : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. Петрозаводск, 2020. 222 с.

14. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/BO3_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010520r.htm (дата обращения: 01.10.2022).

15. Пилясов А.Н. «Престижная» Арктика и «подпольный» Север: будут ли и дальше расходиться траектории их развития? // Go Arctic : сайт Проектного офиса развития Арктики. URL: <https://goarctic.ru/society/prestizhnaya-arktika-i-podpolnyy-sever-budut-li-i-dalshe-raskhoditsya-traektorii-ikh-razvitiya/> (дата обращения: 01.10.2022).

References

1. Minakir P.A. Russian economic space: strategic dead ends // The economy of the region. 2019. No. 4. Pp. 967–980.

2. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. Strategic planning of spatial development of Russia and its macro-regions: in captivity of old illusions // Russian Economic Journal. 2022. No. 5. Pp. 22–40. doi:10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.

3. Zubarevich N.V. Spatial Development Strategy: priorities and tools // Questions of economics. 2019. No. 1. Pp. 135–145. doi:0042-8736-2019-1-135-145.

4. Sheveleva R.N. The concept and signs of non-urbanized territories // Young scientist. 2015. No. 8 (88). Pp. 696–698.

5. Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu. Factors of sustainable development of non-urbanized territories // Scientific and Technical Bulletin of SPbPU. Economic sciences. 2021. No. 6. Pp. 53–66. doi:10.18721/JE.14604.

6. Voroshilov N.V. On the issue of assessing the socio-economic potential of rural areas // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14, No. 1. Pp. 91–109. doi:10.15838/esc.2021.1.73.7.

7. Ivanov V.A. Rural economy of the northern region: specifics, directions and mechanisms of development // The North and the market: the formation of an economic order. 2021. No. 2. Pp. 46–55. doi:10.37614/2220-802X.2.2021.72.004.
8. Fauser V.V. Demographic problems of the northern regions of Russia: Population reduction and birth rate reduction // Corporate governance and innovative development of the economy of the North : Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2015. No. 1. Pp. 129–144.
9. Rybakovsky L.L. Studies of population migration in Russia. Moscow : ISPI RAS, 2000. 38 p.
10. Ilyin V.I. Man in the Old Russian North: between free will and structural coercion (historical essay in terms of existential sociology) // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 2020. No. 3. Pp. 6–27.
11. Northern allowances: history and modernity // Arctic Russia : investment portal of the Arctic zone of Russia. URL: <https://arctic-russia.ru/article/severnye-nadbavki-istoriya-i-sovremennost/> (date of access: 01.10.2022).
12. Statistical Yearbook of the Komi Republic, 2009 / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Komi Republic. Syktyvkar, 2009. 450 p.
13. Republic of Karelia. One hundred years in numbers, 1920–2020 : statistical collection/ Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Karelia. Petrozavodsk, 2020. 222 p.
14. Average monthly nominal accrued wages of workers in the economy / Rosstat. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d010/i010520r.htm (date of access: 01.10.2022).
15. Pilyasov A.N. The "Prestigious" Arctic and the "underground" North: will the trajectories of their development continue to diverge?// Go Arctic : website of the Arctic Development Project Office. URL: <https://go-arctic.ru/society/prestizhnaya-arktika-i-podpolnyy-sever-budut-li-i-dalshe-raskhoditsya-traektorii-ikh-razvitiya/> (date of access: 01.10.2022).

Информация об авторе

С.С. Патракова – научный сотрудник Вологодского научного центра РАН.

Information about the author

S.S. Patrakova – researcher of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 31.07.2023.